

За дверями реанимации сиял яркий свет. Он заливал узкий коридор, превращая его в вытянутый, мертвенно-бесцветный морг.

Фу Гэ сидел там — без движения. На его теле, на его руках — повсюду кровь Ци Ханя. Белый свитер, теперь заляпанный алыми разводами, впитал в себя грязь, рвоту, липкую, застывающую боль.

Ци Хань был за той дверью уже три часа.

В руке он сжимал папку с документами, её острый угол впивался в ладонь, прорезая кожу. В голове снова и снова звучали слова Ци Чуаня — тяжёлые, как похоронный набат.

— Ему вкололи высокую дозу атропина. Такая концентрация разгоняет давление до предела, сосуды расширяются, а у альфы в фазе восприимчивости и так критический уровень сердечного ритма. Если бы ему вкололи вторую дозу... он бы просто взорвался изнутри.

— И ещё... — Ци Чуань запнулся, но всё же договорил. — Этот препарат... стоит лишь немного превысить дозировку, и боль становится нестерпимой. Он знал. Он знал, что это не ингибитор.

— Поэтому он так боялся. Он не знал, что я пытаюсь его спасти.

— Он думал, что я... как Фу Чжэньин.

О чём тогда думал Ци Хань?

Он думал: _«Мой свет окончательно угас. Мой любимый человек хочет отомстить мне самым страшным способом»._

Фу Гэ стиснул зубы, пальцы побелели от напряжения.

— Почему всё должно было стать вот таким? Я не хотел так с ним поступить... Я никогда не стал бы мучить его таким способом.

Ци Чуань молча положил ладонь ему на плечо, он долго колебался, прежде чем передать ему папку с документами:

— Может, тебе стоит это посмотреть.

— Это... то, что я просил тебя расследовать после свадьбы?

— Да. Теперь у нас есть ответ. Ци Хань начал подозревать тебя шесть месяцев назад.

Глаза Фу Гэ медленно, болезненно моргнули, в них мелькнула вспышка осознания.

— Шесть месяцев... наша первая встреча.

— Именно. Он проверил данные о том корабле, с которого ты якобы упал в воду, затем разобрал аварию, в которую ты попал, изучил всё о моём образовании за границей, просмотрел записи пациентов, которых принимала моя маленькая клиника... Он отправил людей везде, где только мог, но после того случая с медицинской провокацией они внезапно исчезли.

Ци Чуань замолчал, голос его стал ещё тише, будто он боялся произнести эти слова вслух:

— Возможно, он убедился, что тебе ничего не угрожает, и поэтому остановил расследование.

Фу Гэ вдруг рассмеялся, глухо, натянуто, этот смех больше походил на агонию.

— Нет, он не удостоверился, что мне ничего не грозит. Он просто понял всё.

Вначале он расследовал Ци Чуаня, потому что боялся, что тот может ему навредить. В конце он остановил расследование, потому что боялся разрушить план Фу Гэ.

Фу Гэ вспомнил, как ещё вчера узнал, что врач, подставленный во время провокации, был спрятан в надёжном месте. Вспомнил, как легко они разобрались с торговой палатой во время медового месяца, будто сама судьба открывала перед ними двери, и как теперь, оглядываясь назад, он понимал — за всем этим стоял Ци Хань.

Он не просто добровольно вошёл в ловушку, он сам подставлял шею под лезвие, сам ускорял свою смерть, а когда его любимый совершал ошибки, сам же их исправлял, чтобы ничего не сорвалось.

Он вспомнил, как в последние дни их медового месяца в Литане Ци Хань начал мучиться от бессонницы, каждую ночь просто лежал рядом и молча смотрел на него.

Днём он был странно тревожен, будто беспокойный зверь, который знает, что ловушка уже захлопнулась. Он всё время звал Фу Гэ по имени, требовал, чтобы тот оставался рядом, не отходил дальше, чем на десять метров, а если Фу Гэ уходил, даже в ванную, следовал за ним, будто боялся, что он исчезнет, что он потеряет его раньше, чем будет готов.

Но дело было не в привязанности, не в страхе перед концом их путешествия. Ци Хань знал, что его время истекает.

И тогда он стал повторять его имя снова и снова, без конца, запоминал черты его лица, изучал каждый изгиб, каждую тень, каждую морщинку у глаз, чтобы когда настанет день, когда он

останется один, он всё ещё мог помнить, в какую сторону идти, чтобы вернуться домой.

Четвёртое марта, восемь вечера. Седьмой день после свадьбы.

Ци Хань наконец пришёл в себя.

Он должен был умереть. Но нож, которым он себя ударил, был тупым — тот самый, который Фу Гэ пронёс внутрь.

А ещё атропин. Высокая концентрация сделала зрачки расширенными, зрение размытым, тело вялым, мышцы ослабели, и в последний момент он промахнулся. Лезвие вошло не так глубоко, застряло между сердцем и лёгкими, пройдя в миллиметре от рокового исхода.

Очнувшись, он не произнёс ни слова. Он не реагировал на голоса вокруг, не смотрел на врачей, не отвечал на вопросы, не касался принесённой еды, не соглашался на дальнейшее лечение.

Он закрылся, окончательно и бесповоротно, задраил все двери, не позволяя себе даже случайно зацепиться за чью-то доброту, не желая принимать надежду ни от кого, кроме одного человека, и то — не с облегчением, а с липким, застывающим в крови страхом.

Как только маленький бета переступил порог, держа в руках поднос, он вздрогнул, почти инстинктивно отшатнулся назад.

— Сдай меня, — голос низкий, выжатый до хрипоты. Ци Хань склонил голову, не поднимая глаз. — Мы и так тянем. Всё равно рано или поздно полиция выйдет на тебя.

Фу Гэ застыл, будто ледяная вода залила лёгкие. И вдруг осознал: с того дня, как он воткнул в него иглу, Ци Хань больше ни разу не назвал его «Гэ».

— Давай сначала ты подлечишься, хорошо? — Фу Гэ осторожно поставил поднос на стол, рядом с лекарствами.

Ци Хань не двинулся, не поднял голову, только тихо сказал:

— Не трать силы. Просто сделай это быстро..

— Сначала поешь, — его голос дрогнул. — Я попросил приготовить тебе маленьких жареных рыбок... я... я не подмешивал туда ничего.

Медленно, осторожно, словно боясь, что это очередная ловушка, Ци Хань выбрался из постели, сел за стол.

Он взял палочки, отломил кусочек, аккуратно отделяя косточки, ел медленно, бережно, с почти детской сосредоточенностью.

— Спасибо.

— Не стоит...

Проглотив последний кусок, он молча взял лекарства, запил их супом, задержал взгляд на поверхности миски, будто решаясь на что-то, и вдруг спросил:

— В ту ночь, когда я пошёл покупать железу... ты остался со мной. Ты подогрел мне молоко, сказал, что боишься, как бы у меня не воспалилось горло, добавил туда лакрицу. Там... только лакрица была?

Фу Гэ сжал кулаки так, что ногти впились в кожу.

— Нет... ещё было снотворное.

Тихий смешок, лёгкая, призрачная улыбка — как вспышка, которую тут же пожирает темнота.

— Понял.

— За эти месяцы... хоть раз ты по-настоящему хотел быть рядом со мной? — Альфа медленно поднял глаза.

Бета отвёл взгляд, губы беззвучно разомкнулись, но он так и не смог выдать ни слова.

Ци Хань больше не стал давить.

— Понял...

Разговор закончился ничем. Один — не мог больше отступить. Другой — боялся сделать шаг вперёд.

Фу Гэ только вышел за дверь, и тут же к его ногам прижалось что-то маленькое, тёплое.

— Папа!

Он чуть улыбнулся, наклонился, подхватил малыша на руки, усаживая его к себе на колени.

— Уже проснулся? Голоден?

Мальчику было около пяти-шести лет. Тёмные густые ресницы, лохматые завитки светлых волос, тяжёлые, выразительные глаза, которыми он смотрел с открытой, искренней привязанностью.

Вчера его только привезли обратно, всё вокруг было для него новым, неизведанным, таким ярким, таким непривычным.

— Не, не хочу есть, — маленький мальчик радостно завоzilся на руках, тёплым комочком прижимаясь к нему. — Няня уже накормила меня... булочками! Па-па, когда ты меня возьмёшь гулять?

Фу Гэ усмехнулся, потянулся и мягко сжал крохотный нос, словно упрекая, но с явной нежностью:

— Какие ещё «взял»? Правильно говорить «отвёл». Всё, срочно нужен учитель китайского.

— Да зачем так мучиться, — голос раздался из-за угла. — Верни его к деду, пусть сам учит, он, небось, с ума сходит, как хочет увидеть малого.

Ци Чуань вышел на свет, протянул руки, подхватывая ребёнка.

— Давай, малыш, поцелуй дядю.

Мальчик послушно чмокнул его в щёку, а потом, едва оказавшись на земле, снова раскинул пухлые ладошки к Фу Гэ:

— Па-па! Ещё обнимашки!

Фу Гэ подхватил его обратно, кивнул брату:

— Чуань-ге, сгоняй на ночной рынок, уладь ту ситуацию.

— Понял. Возьму с собой пару человек, к утру буду.

— Возьми больше. Куан Лю и его люди — сволочи, у которых нет ни правил, ни тормозов. Будь осторожен.

Ци Чуань забрал половину людей и ушёл, а Фу Гэ остался с ребёнком, поужинал с ним, уложил в детской, поручив его нянькам, а затем спустился вниз на лифте.

Дом, в котором он держал Ци Ханя, был трёхэтажным особняком в одном из его старых владений. Раньше здесь планировалось обустроить курорт, но до стройки так и не дошло — пустой, заброшенный, окружённый лесами и крутыми склонами, безлюдный и скрытый. Полиция сюда точно не сунется.

Стоило выйти из лифта, как в нос ударил тяжёлый, резкий запах табака.

На посту охраны у двери маячил один из людей, лениво затягиваясь сигаретой.

Фу Гэ на миг прищурился, морща лоб.

— Где Сяо Инь?

Охранник неловко усмехнулся, стряхнул пепел:

— Наверху начался период чувствительности у одного из высокоуровневых альф, информация просочилась вниз, Сяо Инь словил волну, пришлось вколоть ему дозу... слабак он, господин Фу, прямо скажем. Вы входите?

Фу Гэ кивнул.

— Ты как раз наверх собирался?

— Да, боюсь, пацаны там не выдержат. Везу им два флакона ингибиторов.

Фу Гэ взял один, осмотрел, кивнул:

— Хорошо. Скажи Ци-ге, чтобы компенсировал расходы. Какой марки купил? У Сяо Лю аллергия на «Гуанке».

— Не «Гуанке», я помню.

Он протянул ампулы, и Фу Гэ, разглядывая их на свет, вошёл в лифт вместе с ним.

— Я пойду с тобой. Пусть врач сделает укол, не вздумай тыкать сам.

— Понял, господин Фу.

Лифт плавно поднимался на второй этаж, в тишине лишь глухой гул механизмов. Когда двери открылись, Фу Гэ обернулся к сопровождающему:

— Зайди со мной. У меня есть две ампулы сильного ингибитора, передай ребятам.

Тот ухмыльнулся, почесав затылок:

— Ну вот это дело.

Третий этаж был для узников — там же находились и комната Ци Ханя. Второй же этаж — зона отдыха для охраны. Проходя по коридору, Фу Гэ мельком заглядывал в боковые комнаты, отмечая в уме, кто где, а потом остановился у не приметной двери в конце коридора.

Рука легко толкнула её, оставляя проём открытым.

— Заходи.

— Ой, господин Фу, да что вы— А-А-А-А!!

Дикий, рваный крик — мужчина рухнул на колени, скрючившись от боли. Прямо в его горло глубоко вонзилась ампула с ингибитором.

Фу Гэ не дал ему опомниться — ударился ногой, с силой ломая колено, а в следующую секунду схватил тяжёлый фарфоровый вазон с тумбочки и со всей силы впечатал в его голову.

— Ты не мой охранник! — Голос был холодным, выверенным, полным яда. — Кто ты, чёрт тебя дерит?!

Мужчина захрипел, зажимая шею, тёмная кровь стремительно пропитывала ткань воротника. Он рвано выдохнул, сдавленно простонал:

— Как... как ты понял?